

К ВОПРОСУ О ДЕПОРТАЦИИ НАРОДОВ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Джунушалиева Гульнара

Рассматривается процесс депортации народов, проживающих на территории СССР, в годы Великой Отечественной войны, а также жизнь спецпереселенцев в Киргизской ССР.

Ключевые слова: спецпереселенцы; спецкомендатура; депортация; трудовое обустройство; спецпоселенцы; “неблагонадежные народы”.

Вопрос депортации народов СССР в 30–40 гг. XX в. остается одним из малоизученных вопросов исторической науки Кыргызстана.

По мнению некоторых исследователей, причиной депортации народов СССР в годы массовых политических репрессий являются политические мотивы и необходимость укрепления так называемой “лагерной экономики”. По мнению других, данный процесс осуществлялся как превентивная и карательная мера, а также как мера военно-стратегического характера, имевшая целью создание более “надежного” слоя пограничного населения.

Накануне Великой Отечественной войны производилось принудительное переселение из западных районов СССР (Прибалтики, Западной Белоруссии, Западной Украины и Молдавии).

В 1937 г. на Дальнем Востоке депортации в административном порядке в Среднюю Азию были подвергнуты корейцы под предлогом обвинения в шпионаже в пользу Японии.

22 июня 1941 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О выселении в административном порядке “социально опасного элемента” из областей, объявленных на военном положении».

Летом 1941 г. было принято решение о депортации немцев, проживавших на Украине, в Москве и Поволжье. По указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. в Новосибирскую и Омскую области, Красноярский край и Казахскую ССР было переселено около 900 тыс. человек немецкой национальности. Не подлежавшие призыву в ряды Красной Армии, трудоспособные немцы в 1942–1944 гг. были мобилизованы в трудовую армию.

Летом 1943 г. принудительному переселению были подвергнуты карачаевцы; зимой 1943 г. – калмыки; в феврале 1944 г. – чеченцы и ингуши; в марте – балкарцы; в мае – крымские татары на основании того, что “некоторая часть представителей этих народов сотрудничала с оккупантами”. Этнические болгары, венгры, румыны, финны, проживавшие в СССР, попали на спецпоселение

в годы Великой Отечественной войны как “пособники фашизма” или как “представители государств, воевавших с СССР”.

Соответственно были упразднены Карачаевская АО, Калмыцкая АССР, Чечено-Ингушская АССР, Крымская АССР, Кабардино-Балкарская АССР.

Наряду с целыми народами, принудительному переселению в годы войны и сразу после ее окончания подверглись также представители других групп населения, в том числе русские по национальности. В частности, в июле 1944 г. из Рязанской, Воронежской и Орловской областей в восточные районы СССР были выселены семьи членов секты “Истинно-православные христиане”, обвиненные в уклонении от уплаты налогов и военной службы. По мере освобождения страны от захватчиков депортации подверглись члены семей вывезенных немецких пособников, бежавших вместе с отступающими частями вермахта, члены Организации украинских националистов и т.п.

Депортированным в восточные регионы СССР группам присваивался статус спецпереселенцев, с 1949 г. – спецпоселенцев. Они находились на учете Отдела трудовых и специальных поселений ГУЛАГа НКВД СССР с 1941 по 1944 гг., в 1944–1950 гг. – Отдел спецпоселений НКВД МВД СССР. Спецпереселенцы формально сохраняли статус граждан СССР, однако не имели права покинуть установленное государством место жительства и находились под надзором. Часть депортированных получала статус ссыльнопоселенцев (в частности, высланные 13–14 июня 1941 г. из республик Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии). Ссыльнопоселенцы подлежали ущемлению в гражданских правах, к ним применялись наиболее строгий режим и надзор.

В то же время нельзя отрицать, что суровые условия военного положения требовали чрезвычайных мер. Одним из следствий войны явилась этническая депортация, которая была объявлена в отношении “неблагонадежных народов”, “изменников родины”, военнопленных и т.д. Это привело к характеристике 30–40-х гг. XX века советской истории как периода массовой депортации народов с их исторической родины и их культурно-социальной и экономической адаптации на новых местах расселения, в основном в Сибирском и Среднеазиатском регионе, в том числе и на территории современного Кыргызстана.

Дело в том, что основным фактором существования СССР являлось формирование единообразия, направленного на достижение глобальной цели построения социализма и коммунизма. Поэтому первоначально классовая борьба сочеталась

с уничтожением государственных образований, появившихся после развала Российской империи, и параллельным образованием иных государственных единиц, призванных сбалансировать сепаратистские стремления в регионах.

При образовании СССР большевистское руководство основывалось на принципе национально-территориального обустройства государства, логическим продолжением которого явилась начавшаяся политика депортации, направленная против культурно организованных локальных этносов.

На Северном Кавказе в предвоенные годы существовали весьма серьезные национальные противоречия. Политика форсированной индустриализации и сплошная коллективизация особенно больно отразились на традиционной клановой структуре горских народов, их образе жизни, религиозных устоях, поэтому среди этих народов были достаточно сильны антисоветские и антирусские настроения. Вступление немецких войск на территории республик Северного Кавказа кое-где было встречено доброжелательно. Но большинство населения этого региона осталось лояльным к советской власти. Поэтому репрессии нельзя оправдать, тем более что они затронули и тех представителей народов Северного Кавказа, которые воевали в рядах Красной Армии. По всем фронтам были изданы специальные приказы о направлении представителей этих народов на поселение или аресте по обвинению в измене Родине.

Несмотря на глобальную трагедию, нельзя не отметить и то, что на территориях, где расселяли депортированных, появление новых рабочих рук позволило дополнительно осваивать новые отрасли экономики, так как, например, в Киргизской ССР отсутствовала военная промышленность, какой-либо преемственностью или опорной базой и соответствующими кадрами хозяйственные органы республики не располагали.

В дальнейшем, когда было расширено военное производство за счет эвакуированных предприятий, вклад республики в выпуск вооружения намного возрос. Слабое развитие тяжелой индустрии при полном отсутствии машиностроения, недостаточная база легкой промышленности – все это не могло не отразиться на структуре военной экономики. Во время войны пришлось форсированными темпами строить объекты оборонной промышленности, такие как Хайдарканский ртутный комбинат, Кадамжайский сурьмяный комбинат, военный завод по производству патронов № 60. Это стимулировало местное население социально и идеологически себя идентифицировать, что также соответствовало принципам строительства со-

циалистического государства, т.е. этническая справедливость заменялась на социальную.

Сегодня малоизученным остается вопрос о трудовом, культурном вкладе депортированных народов в экономику страны в целом и Среднеазиатского региона в частности. Дело в том, что с момента своего осуществления и до конца 80-х гг. XX в. принудительные миграции в СССР были одной из самых закрытых тем. Этому есть объективные причины: архивные материалы долгие годы оставались достоянием исключительно органов государственной безопасности, да и сама тема в рамках официальной истории оставалась запретной. Кыргызстанские историки приступили к изучению вопросов депортации лишь с конца 80-х гг. XX века. Архивным агентством Кыргызской Республики, Национальной академией наук и КРСУ в 2010 г. был издан сборник документов и материалов “Депортированные народы Кавказа в Кыргызскую Республику”.

К депортациям, т. е. насильственному переселению народов, правительство прибегло сразу же после установления советской власти, но особого размаха это движение достигло в годы Великой Отечественной войны.

Официальная точка зрения на переселение чеченцев и ингушей была изложена в указе № 116 М02 Президиума Верховного Совета СССР, причина объяснялась тем, что “в период Отечественной войны многие чеченцы и ингуши изменили Родине, переходили на сторону фашистских оккупантов...” [1, л. 12–15].

План принудительного переселения окончательно определен в середине декабря 1943 года. Для поддержания порядка в новых местах поселений намечалось открыть 145 районных и 375 поселковых спецкомендатур со штатом 1358 сотрудников.

Все мероприятия по депортации были тщательно законспирированы и проводились под видом военных учений солдат Красной Армии в горных условиях. В горные районы Северного Кавказа были стянуты воинские формирования, войска НКВД, курсанты военных училищ.

Депортация приравнивалась государственными органами к операциям, в которых использовались силы НКВД, оперчекистский состав. Так, при выселении чеченцев и ингушей было задействовано 100 тысяч офицеров и бойцов, 19 тысяч оперативных работников НКВД, НКГБ и “Смерш”. Вся акция была проведена в феврале 1944 г. за несколько дней. Чтобы ускорить перевозку выселенцев транспортный отдел НКВД СССР в назначенные сроки подготовил железнодорожные эшелоны. Для подвоза выселяемых к железнодорожным вагонам

использовались автомашины, полученные незадолго до этого персидским маршрутом по ленд-лизу из США. 7 марта 1944 года глава НКВД Л. Берия докладывал И. Сталину об успешном завершении депортации народов Северного Кавказа, начатой 23 февраля: “В результате проведенных трех операций выселены в восточные районы СССР 650000 чеченцев, ингушей, калмыков и карачаевцев”. На следующий день, 8 марта, 741 работник НКВД и НКГБ, осуществлявших депортацию, были награждены орденами Красного Знамени и полководческими орденами Суворова и Кутузова “за образцовое выполнение специальных заданий”.

Современное право не признает коллективного наказания народа на солидарной основе, на принципе круговой поруки. Применяя такие меры, государство отказывалось от выяснения индивидуальной вины и преследования отдельных личностей. Необычность этого наказания видна уже из того, что при депортации не ликвидировались партийные и комсомольские организации. Так, среди выселенных чеченцев было более 1 тыс. членов ВКП (б) и около 900 комсомольцев, сотни офицеров Красной Армии. В частности, в Кыргызскую ССР, по данным на март 1944 г., было депортировано 10880 человек. Из них 22 человека занимали руководящие должности в составе ликвидированной Чечено-Ингушской АССР [2, л. 74–75], “... прибыло в Ошскую область членов КП (б) – 60 чел., канд. чл. ВКП (б) – 47 чел. ВЛКСМ – 122 чел.” [3, л. 77–79].

По прибытию чеченский народ в составе 90 тыс. человек распределяли по районам республики согласно заранее утвержденному плану [4, л. 76–79]. При региональном распределении абсолютно не учитывались родственные связи, в результате чего многие семьи оказались разведенными. “... Далеко не везде спецпереселенцам со стороны местной администрации оказывает теплый прием, плохие условия жизни спецпереселенцев используются враждебно настроенными элементами... медобслуживание поставлено плохо... истощенными лежат 73 человека... эти колхозы на день проверки не имеют никаких продуктов питания для спецпереселенцев...” [5, л. 13–20]. Это привело к массовой гибели среди депортированных, особенно в первый год переселения. Как бесстрастно свидетельствуют документы, наиболее распространенной причиной смерти был тиф – болезнь общей антисанитарии и голод.

Известно, что прибывшие массы депортированного населения вызывали не только сочувствие и жалость, но и недовольство. Местные жители были уверены, что они имеют дело с изменниками Родины. Возникали тяжелые конфликты как след-

ствии негативного влияния сталинизма на межнациональные отношения.

Советское руководство при депортациях преследовало и такие цели, как: хозяйственное освоение отдаленных малообжитых районов, получение дешевой рабочей силы для сельскохозяйственного освоения целинных земель. Поэтому план расселения предусматривал и использование труда депортированных народов. Выбор места и характер работы определялись органами ОГПУ. Было объявлено, что во всех районах поселения депортированным будет обеспечена работа: зимой на производственных участках, летом на сельскохозяйственных работах.

Поселенцы обязаны были точно соблюдать все постановления и указания местной администрации. В положении о правах и обязанностях депортированных народов содержался раздел о правах, но они лишь декларировались. Даже для обращения в местные медицинские учреждения требовалось особое разрешение комендатуры. Ограничены были права и в культурно-просветительской и общественно-бытовой жизни в селах и поселках Киргизской ССР. Однако депортируемые не были лишены избирательных прав.

Депортированные были лишены паспортов, а также были обязаны отмечаться в местных органах НКВД, которым были предоставлены самые широкие права. Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» [6, л. 31], устанавливалось, что переселение «проведено навечно». Самовольный выезд с мест поселений карался 20 годами каторжных работ. Дабы избежать каких-либо волнений в связи с выходом этого указа, чекисты разработали специальную операцию по ознакомлению выселенцев с его содержанием. Всех их, начиная с 16-летнего возраста, вызывали в комендатуру, где «брали» расписку об ознакомлении с указом. Органы госбезопасности разрабатывали правила внутреннего распорядка, отвечали за политический и общественный порядок в местах компактного проживания депортированных, следили за выполнением норм выработки на производстве, а также применяли меры воздействия: арест до 10 суток, штрафы. Спецпереселенцы формально обладали всеми правами граждан СССР, кроме свободы передвижения. Однако практически каждый, побывавший на спецпоселении в то время, скажет, что это реальная дискриминация касалась не только свободы передвижения. Тем не менее в разъяснениях отдела спецпоселений го-

ворилось о том, что для депортированных не устанавливалось никакого особого режима, кроме запрета оставлять место жительства. В регионах, где был введен паспортный режим, спецпоселенцам выдавались паспорта со специальной отметкой, где ее не было – паспорта изымались. По условиям труда, обеспечению жильем спецпоселенцы формально приравнивались к гражданам республики. Дети их учились в общих школах. Спецпоселенцы-коммунисты могли даже оставаться в партии, если их брала на учет местная парторганизация.

8 января 1945 г. появляется постановление СНК СССР, ставшее в последующие годы основным документом, определяющим права и обязанности спецпоселенцев. Согласно постановлению, спецпоселенцы, в том числе члены семей бандитов, в местах поселения пользовались всеми правами граждан СССР, за исключением права свободного выезда за пределы района поселения. За побег следовала уголовная ответственность. При этом спецпоселенцы часто расселялись не в изолированных спецпоселках, а были разбросаны по совхозам, колхозам, предприятиям, расселены среди местного населения в зависимости от наличия жилплощади. Охрана их в местах поселения не предусматривалась. Однако для контроля за депортированными существовали спецкомендатуры НКВД, на которые возлагался учет спецпоселенцев, предотвращение побегов, контроль за их хозяйственным и трудовым устроением, предупреждение беспорядков и т.д.

Необходимо подчеркнуть, что депортация населения наносила ущерб стране, в первую очередь экономике районов прежнего обитания переселяемых народов, их культуре, традициям. Прерывались устоявшиеся экономические и культурные связи между народами-соседями, деформировалось национальное сознание масс. Был подорван авторитет государственной власти.

С 1954 г. начинается процесс постепенного смягчения режима и освобождение спецпоселенцев.

Впервые насильственная депортация ряда народов в годы Великой Отечественной войны была осуждена на XX съезде КПСС в 1956 году. В декабре 1989 г. Верховный Совет СССР признал незаконными репрессивные акты против народов, подвергшихся насильственному переселению.

Литература

1. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 17 с. Д. 155.
2. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 17 с. д. 191.
3. ЦГАПД. Ф. 56. Оп. 5. Д. 445.
4. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 17 с. Д. 160.
5. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 2 с. Д. 34.
6. ЦГА КР. Ф. 1445. Оп. 15. Д. 29.